

Наталия Миронина

Круиз

*Часть сборника
Последний час декабря (сборник)*

Новогодняя комедия

Наталия Миронина

Круиз

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Круиз / Н. Миронина — «Эксмо», 2015 — (Новогодняя комедия)

ISBN 978-5-699-91583-5

Когда мы произносим фразу «А ведь совсем скоро Новый год!», это означает, что мы готовы смириться с пролетевшими как ураган минутами, часами, днями. Готовы подвести итоги, позабыть горести и неудачи. А все радостные события мы готовы бережно положить на полочку памяти, тем самым подготовив себя к чудесам. Когда мы произносим «Скоро Новый год!» – это не что иное, как признание власти времени и отличный повод сделать себе подарок – посмотреть на себя другими глазами, попробовать изменить свою жизнь и... убедиться в том, что иногда все это делать не имеет никакого смысла...

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-91583-5

© Миронина Н., 2015
© Эксмо, 2015

Наталия Миронина

Круиз

Когда мы произносим фразу «А ведь совсем скоро Новый год!», это означает, что мы готовы смириться с пролетевшими как ураган минутами, часами, днями. Готовы подвести итоги, позабыть горести и неудачи. А все радостные события мы готовы бережно положить на полочку памяти, тем самым подготовив себя к чудесам. Когда мы произносим «Скоро Новый год!» – это не что иное, как признание власти времени и отличный повод сделать себе подарок – посмотреть на себя другими глазами, попробовать изменить свою жизнь и... убедиться в том, что иногда все это делать не имеет никакого смысла.

Идеологические разногласия привели к тому, что к завтраку Александра Тихоновна подала не удобную масленку из посеребренного металла, а фарфоровую. С тайным злорадством она наблюдала, как муж своими длинными, изящными, но уже потерявшими былую ловкость пальцами пытается схватить тяжелую фарфоровую крышку масленки – гладкую и круглую. Случайно поймав взглядом усмешку жены, Аркадий Витальевич оставил попытки добраться до масла, с грохотом отодвинул стул и покинул столовую. Победа оказалась пирровой – завтракать в одиночестве было неинтересно. Дождавшись, когда «чмокнут» ворота гаража, когда гроыхнет большой чугунный засов калитки и когда заурчит двигатель, Александра Тихоновна достала пачку сигарет и, удобно устроившись в глубоком кресле, закурила. За окном кружил легкий мягкий снег – преддверие Нового года было на редкость красивым и тихим, особенно здесь, за городом. Со своего места Александра Тихоновна видела рябину – ее подмороженные, в мелких сосульках, ягоды выглядели новогодними украшениями. Чуть дальше, почти у забора, стояли елки. Снега на них не было. Александра Тихоновна обычно собственноручно его стряхивала, поскольку на этих елках каждый год они с мужем развешивали гирлянды фонариков. Гирлянды она уже приготовила, аккуратно сложив в углу столовой. Здесь же стояли коробки с елочными шарами, серебристым «дождиком» и мишурой. Целый день Александра Тихоновна потратила на то, чтобы все это достать из кладовки, протереть пыль и разделить на две части. Обычно они ставили одну елку в столовой, она была самая нарядная, самая красивая, а вторую наряжали во дворе, около крыльца. Будь воля Александры Тихоновны, она бы и за околицей украсила какое-нибудь дерево. Но на ее робкое предложение Аркадий Витальевич ответил раздраженным возгласом:

– Александра, не смейся, неужели тебе мало елок?!

Александра Тихоновна ничего не ответила. Ей неприятны были и его мина, и его раздражение. По мнению Александры Тихоновны, новогодняя елка – это не просто дежурный интерьерный символ, а то самое коллективное действие, которое позволяет подойти к празднику очищенным от всяческих обид, ссор, недомолвок. Само это занятие – подготовка к Новому году – это не что иное, как своеобразный ритуал прощения, когда благородно и великодушно забывается все плохое. Александра Тихоновна сама сколько раз испытывала на себе это благотворное влияние предновогодней суеты. А идея зажигать на Новый год гирлянды на елках у забора, так, чтобы их было видно с улицы, им пришла еще до того, как случилась «идеологическая» размолвка. И они оба гордились и радовались тому, что улица приобретала особенный новогодний вид, что соседи восхищались и перед каждым праздником интересовались, какого цвета будет иллюминация. В этом году появилось подозрение, что ни желания, ни времени заниматься подобными пустяками у Аркадия Витальевича не окажется. «Конечно, я могу попросить помочь соседей или кого еще... Они сделают... Но как хорошо было этим заниматься вместе!» – У Александры Тихоновны в душе боролись злость и еще какое-то незнакомое чувство, похожее на страх..

Сигарета погасла, догорев до фильтра. Александра Тихоновна машинально понюхала свои пальцы – муж в последнее время жаловался на вездесущий запах табачного дыма. «Откуда в нем это все? – с обидой думала Александра Тихоновна. – Эти брезгливость, требовательность, это вечное стремление одернуть, сделать замечание, дать наставление?! Неужели я в этом сама виновата? Ну не согласна я с этими его идеями, но живем-то мы вместе и не один год... Что уж так привередничать...» – Александра Тихоновна взяла в руки следующую сигарету, помяла ее в пальцах, потом хотела спрятать опять в пачку, но тут ее взгляд упал на маленькую узкую коробку, спрятанную между книгами. Это был подарок, который она приготовила мужу и теперь мучилась сомнениями – понравится ли он ему. Впрочем, еще больше сомнений и мучений было в процессе поиска. У мужа Александры Тихоновны было все. Даже свобода, которую ему широким жестом преподнесла жена.

– Я никогда не буду за тобой следить, – сказала она как-то мужу после его позднего возвращения, – только постарайся не перепутать общественную деятельность с примитивным и вульгарным развратом.

...Побегав по магазинам, Александра Тихоновна стала последними словами ругать «общество потребления» и «потребительское изобилие». К тому же что можно подарить человеку, мечтающему о последней марке «Мерседеса»?! Поломав голову и изучив интернет-рынок, Александра Тихоновна приняла решение – подарить мужу книжку из серии «Жизнь замечательных людей». Найдя недорогую типографию, она принесла туда фотографии мужа, начиная с младенческих, которые затерялись в старых альбомах, до теперешних, на которых он был сфотографирован рядом с известными людьми. Она собрала его дипломы, грамоты, приветственные адреса – словом, все, что могло свидетельствовать об успехе, почете, уважении и известности. Занимаясь всем этим, она забыла о разногласиях, обидах, о тех колючих и холодных спорах, которые они подчас вели в доме. Этот подарок она готовила для того самого Аркадия Витальевича, которого знала когда-то, с которым так любила гулять вечерами, пить чай и обсуждать предметы важные и не очень. Теперь готовый подарок – отпечатанная в единственном экземпляре книга с фотографией мужа на обложке – был упакован и спрятан на книжной полке. Магия доброго волшебного дела испарилась, и на смену ей пришла привычная раздражительность: «Больше чем уверена, он только фыркнет и даже не посмотрит на эту книгу. Ну разве из вежливости. Или сделает замечание, что деньги на ерунду трачу. Нет, он испугается, что я взяла все его документы и потеряла. Точно, не поленится в новогоднюю ночь из-за стола побежать проверять, все ли на месте!» Александре Тихоновне стало на минуту стыдно своих мыслей, и, чтобы отвлечься, она опять закурила и стала разглядывать летающие снежинки. Сегодня снег был похож на июньский тополиный

пух. Тот самый, который в детстве ловили и загадывали желание на «счастье». В детстве все верили, что именно в пухе-то и дело. А без пуха какое там счастье! «Снег похож на пух, но его не ловят, – подумалось ей, – что неудивительно – какое может быть счастье в том, что мгновенно тает». Через закрытое окно слышались привычные деревенские звуки – сосед Илья Ильич ругался с бабой Ирой из-за нерасчищенной дорожки, пес Вася, совершая обход подведомственной ему территории, напал на мелкую псину семьи адвокатов. Жена адвоката кричать на Васю не стала, а, проскрипев валенками по снегу, подошла к псу и что-то ласково ему говорила, словно увещевала. Александра Тихоновна не слышала слов, до нее доносился только ровный мягкий звук женского голоса. Деревня Знаменка переживала еще один свой день, наполненный заботами и хлопотами, и все это составляло ее суть, было ей привычно, все это повторялось из года в год, из столетия в столетие. Но сегодня в этом шуме чувствовался уже праздник – все, что делалось, делалось с прицелом на те самые загадочные дни года, которые должны были наступить через три недели. Прислушиваясь к деревенскому гомону, Александра Тихоновна почувствовала боль от того, что уклад ее жизни так внезапно поменялся, что в ее доме произошло нечто такое, что как будто бы лишило смысла все до этого прожитые годы.

У Александры Тихоновны была мечта – она всегда хотела иметь маленький домик. Такой необременительный по размерам, с уютными оконцами, аккуратным крылечком. Ей хотелось, чтобы в домике были печка и камин, широкие половицы янтарного цвета. Мечта почти сбылась – дом они выстроили небольшой, и все в нем было соответственно мечте: клетчатые шторы на маленьких окнах с частым переплетом, нарядное крыльцо, красная черепичная крыша и даже камин. Но либеральные идеи, так странно вмешавшиеся в жизнь семьи, принуждали к одиночеству – Аркадий Витальевич все чаще вечерами пропадал в Москве. И теперь, проводя время у камина, Александра Тихоновна частенько думала, что мечтать надо было не столько о доме, сколько о том, чтобы было с кем в этом доме жить.

Сидя сейчас в кресле и наблюдая за снегом и тоненьким сигаретным дымком, она пыталась привести в порядок мысли и выработать хоть какой-то план действий. Иначе когда-то хорошо отлаженный механизм семейной жизни окончательно расстроится. И подумать только – из-за чего?! Из-за либерально-демократических взглядов Аркадия Витальевича.

За долгие двадцать пять лет семейной жизни Александра Тихоновна привыкла к тому, что ее муж, методично делающий карьеру в одном из министерств, поступает линейно, предсказуемо, не позволяя себе никаких «крутых виражей». Свободомыслие – это был не его конек. Три года назад, накануне своего полувекового юбилея, под влиянием минуты он неожиданно позволил себе публичную критику собственного высокого начальства, да так удачно, что был немедленно замечен многочисленными гуманитарными институтами, работающими на ниве инакомыслия. Теперь Аркадий Витальевич, прослышавший как демократ, либерал и борец с косностью и ретроgrадами, выступал с докладами, писал статьи и готовил к публикации многостраничный труд под названием «Влияние либерально-демократических идей на развитие экономики». Новые убеждения, так внезапно овладевшие супругом, не замедлили сказаться на его внешнем виде. Вместо чопорного костюма-тройки он стал носить мягкие твидовые пиджаки, широкие брюки, футболки под клетчатыми и полосатыми рубашками. На шее неизменно теперь красовался шарф, повязанный замысловатым узлом. Из газет и журналов Александра Тихоновна узнавала, что ее муж иногда посещает клубные вечера, званые обеды и презентации. С глянцевого фотографий на нее смотрело молоджавое, загорелое лицо мужчины без возраста, а вокруг были запечатлены крупные и мелкие звезды политики и шоу-бизнеса.

К переменам в муже Александра Тихоновна сначала отнеслась с испугом, потом с юмором, потом с раздражением, потом опять с испугом. С испугом, поскольку в доме Аркадий Витальевич стал бывать редко – он пропускал традиционные семейные праздники, обижая

тем самым взрослых уже детей, которые специально приезжали в эти дни к ним с ворохом подарков. Он не вникал в мелкие бытовые проблемы, от крупных откупался, выдавая жене приличные суммы денег. Но самое главное, что обижало и пугало Александру Тихоновну, из жизни супругов исчезло то, чем они всегда гордились и что их выделяло из огромного количества семейных пар, – исчезли долгие интересные разговоры. Традиция обсуждать все подробно, с умозаключениями и спорами была давняя, никогда до этого не нарушаемая. Особенность их семьи заключалась в том, что оба они, люди образованные и начитанные, обожали «игры ума». Над этой особенностью подсмеивались все их знакомые, но и они в полной мере оценили виртуозное умение Александры и Аркадия спорить. Для Александры Тихоновны, наблюдающей с тревогой, как распадаются семьи друзей, самым большим успокоением была мысль о том, что такая духовная связь, какая была у нее с Аркадием Витальевичем, сильнее всех возможных искушений. «А даже, – думала она, – если искушение все же будет иметь место, нормальный мужчина никогда его не променяет на...» – в этом месте мысль становилась менее четкой. Когда-то, лет семь назад, Аркадий Витальевич попал в больницу, приступ его скрутил на работе, «Скорая» отвезла в больницу, и почти весь последующий месяц он провел в реанимации, а все домашние готовились к самому худшему. В один из этих тяжелых дней невестка неудачно попыталась утешить свекровь:

– Александра Тихоновна, не изводите себя, будем надеяться, что все обойдется! Ну а если что, у вас такая большая семья, мы все рядом!

– Ничего ты еще не понимаешь! – с неожиданной горькой злостью ответила Александра Тихоновна – С кем я тогда буду на кухне по вечерам радио слушать?!

В этих нелепых, казалось, словах была скрыта суть счастливой семейной жизни – мелочи, совершаемые вдвоем, становились самыми важными событиями и составляли основу жизни.

Теперь же все разговоры, если они и случались, походили больше на ругань двух политических конкурентов. Дело в том, что Александра Тихоновна не разделяла либеральные взгляды мужа, а та поспешность, с которой он к ним пришел, вызывала у нее неприкрытое презрение. Поделаться с этим презрением она ничего не могла. Оно сквозило во всем – в том, как она комментировала его статьи, выступления, мероприятия, в которых его приглашали выступить. Даже в том, что она готовила теперь на обед.

– В желтой прессе пишут, что либералы предпочитают морепродукты! – возвещала она и подсовывала мужу жареных кальмаров, которых он терпеть не мог.

Особенно резкой критике подверглись рукописи. Найдя как-то рукопись его очередной работы на столе и прочитав несколько абзацев, она старым красным карандашом вывела слово «Ренегат!!!!». Множество восклицательных знаков выражали ее искренний гнев – в рукописи Александра Тихоновна обнаружила, что муж в пух и прах разносит то, что давало ему долгие годы работу, неплохую зарплату, командировки за границу, квартиру в самом центре Москвы и большой участок в рублевской деревне Знаменка, где они впоследствии построили дом. Ответ не замедлил себя ждать – обнаружив ремарку жены, Аркадий Витальевич разразился долгой тирадой. Он говорил и говорил, молодцевато вышагивая перед Александрой Тихоновной, которая от громкости и агрессии его голоса вжала свое худенькое тельце бывшей балерины в огромное кресло. Презрение, которое сквозило теперь в его словах, безусловно, относилось к ее несовременным, устаревшим общественным взглядам, а не к ней самой, но Александре Тихоновне казалось, что речь идет о ее седых волосах, собранных в тонкую косицу, распухших венах правой ноги и узловатых суставах на натруженных балетных ступнях. Ей захотелось вдруг быстро помириться – в конце концов, либерал, демократ, какая, к черту, разница! Все-таки он муж, и такой интересный, и столько лет вместе... Но после этого разговора в доме поселилось отчуждение. Неудобная фарфоровая масленка к завтраку – тому пример. Александра Тихоновна отлично знала, что подагра мужа

затрудняет мелкие движения, но не могла отказать себе в удовольствии напомнить ему об этом возрастном заболевании. «Да, но зато подагра не мешает кататься на горных лыжах!» – со злостью подумалось ей. Действительно, с некоторых пор Аркадий Витальевич зачастил на высокогорные курорты Австрии. Среди всех прочих попутчиков Александра Тихоновна обнаружила некую брюнетку, которая неизменно на всех фото была рядом.

Сейчас, докуривая сигарету, Александра Тихоновна бросила взгляд на темное стекло большого книжного шкафа. Неясное отражение ей понравилось – тени легли там, где надо, волосы казались не седыми, а светлыми, изящная худоба всегда делала Александру Тихоновну элегантной. Загасив сигарету, она осмотрела комнату. Тщательный порядок и продуманный уют нарушали только коробки с елочными игрушками. «А я-то надеялась, что за завтраком мы, предвкушая праздничные приготовления, обсудим новогодние планы. Наивная!» – подумала Александра Тихоновна, вспоминая, что вчера муж вернулся из Москвы позднее обычного, несколько раздраженный и на вопрос Александры Тихоновны об ужине только фыркнул и заперся в кабинете.

«Господи, как же надоело! Можно подумать, что все революции совершают люди с плохими характерами и дурным воспитанием!» – подумала Александра Тихоновна, легко поднялась из кресла, переобулась в сапоги, закуталась в старую шубу и вышла в сад. Морозец схватил ее за щеки, пробрался за шиворот и заставил поежиться. Солнце отразилось в сугробах и ослепило глаза. Александра Тихоновна почувствовала слезы. Она бочком прошла по утопанной снежной дорожке, и эти несколько шагов вернули ей хорошее настроение. Тесный теплый сумрак дома не оставлял надежд, тогда как зимний сад, удивляющий каждый день своими ледяными причудами, охладил в душе обиду, отвлек красотой и дал надежду. Подскальзываясь на укатанном снегу, Александра Тихоновна добралась до парника и стала варежкой сбрасывать снег со стеклянных квадратиков крыши. Снег ссыпался маленькими лавинками, переливался, а отдельные снежинки, подхваченные ветерком, летели ей в лицо. Александра Тихоновна вдруг вспомнила, как приходила сюда летом, наклонялась над огуречными листьями и каждый раз удивлялась – на маленькой веточке висел пупырчатый зеленый пальчик. «Славно как, вот и огурцы уже пошли», – думала она тогда. Александра Тихоновна вспомнила, как они с мужем, издеваясь друг над другом, выращивали рассаду. Было всем очевидно, что дешевле купить огурцы в магазине, но им, совсем недавно переселившимся в Знаменку, ужасно хотелось попробовать себя в сельском хозяйстве. А еще они посадили сливы. Все односельчане сбегались смотреть, как с большой машины сгружают саженцы. Деревьев было так много, что потом пришлось часть раздать соседям.

– Витальич, ты теперь от запора всю деревню вылечишь! – Константин, известный остряк, не отказал себе в удовольствии и на этот раз.

Сливы все прижились, весной зацвели своими розовато-кремовыми шапками, осенью лиловые плоды придавали саду изысканность и будоражили хозяйственные чувства. Хотелось сушить, вялить, печь пироги и варить варенье...

Александра Тихоновна посмотрела на деревья. Природа ей всегда казалась продолжением их с мужем планов, продолжением жизни, но сама жизнь вдруг внезапно переменялась. И этим сливам было невозможно рассказать, что тот, кто их сажал, был одним человеком, а смотреть на их цветы и есть плоды станет уже совсем другой.

Над забором проплыл толстый лисий хвост. Александра Тихоновна безошибочно определила: продавщица Лариска. Только у нее в деревне была такая яркая шапка, которая необычайно гармонировала с Ларискиными ярко-зелеными глазами. Александра Тихоновна окликнула продавщицу. Вопреки обыкновению, Лариска не спешила остановиться. Она даже прошла немного дальше и, только встав как-то боком, откликнулась:

– С наступающим, Александра Тихоновна!

Длинный рыжий мех не сумел скрыть то, чего стыдилась продавщица – огромный синяк под правым глазом. Александра Тихоновна благоразумно виду не подала. Впрочем, Лариса ситуацию дезавуировала сама:

– Вот, ухожу от Константина. Все. Завтра же беру отпуск и уеду. В Сочи. Там и зимой хорошо. Тепло. Деньги у меня есть. И больно он мне нужен. Тоже мне, вступчина, – произнесла она, закуривая с независимым видом.

«Вступчиной» в Знаменке называли тех, кто имеет обыкновение «задирать нос», «строить из себя черт знает что» и «много о себе понимать».

– Праздник скоро. Новый год, нельзя ссориться, – произнесла в ответ Александра Тихоновна, но эти слова она как будто бы адресовала себе.

– И что?! – с вызовом откликнулась Лариса.

Вся Знаменка знала о непростых любовных отношениях Ларисы и Кости. И все давно уже не верили их обещаниям разойтись раз и навсегда. Но сейчас в голосе продавщицы Александра Тихоновна уловила нечто такое, что заставило ее поверить в эту угрозу. Лариса отправилась дальше, а Александра Тихоновна вышла за калитку, оглядела деревенскую улицу и остановила свой взгляд на старой кривой сосне, росшей прямо посередине проезжей части и теперь усыпанной ледяной крошкой. Александра Тихоновна вдруг представила, как она проживет эти три недели до Нового года. Она представила, что уже вечером ей будет совестно своей вредности, стыдно из-за этой неудобной масленки, что она с нетерпением будет ждать мужа с работы, чтобы как-то загладить свой дурацкий выпад. Она начнет заговаривать с ним, предлагать разобраться с двумя коробками елочных игрушек, будет задавать вопросы о елке, которую они обычно наряжали в гостиной. Александра Тихоновна уже знала, что муж станет хмуро буркать, что-то нечленораздельно говорить себе под нос, и все их общение будет напоминать старую игру «Да» и «нет» не говорить, в белом-черном не ходить». В конце концов она так и не поймет, помирились они или нет. А время будет идти, и Александре Тихоновне придется тревожно ждать Нового года и гадать – помирятся они или Аркадий Витальевич будет все так же хранить молчание, подчеркнуто озабоченно проглядывать газеты за завтраком, а приехав вечером домой, сразу уходить к себе в кабинет. Александра Тихоновна отлично представляла, как она будет привлекать его внимание – как-то особенно громко вскрикивать на кухне, словно обожглась или поранилась, или громко комментировать телепередачи. За этим возгласами будет желание вовлечь мужа в разговор посредством обычного человеческого сострадания. Но Аркадий Витальевич, тертый калач, на это не поддастся – он будет молчать, невзирая на назойливое, звучащее со всех сторон напоминание о приближающихся праздниках. Александра Тихоновна знала своего теперешнего мужа, общественного деятеля, обремененного огромным количеством знакомых, друзей, единомышленников, – человека жестковатого, резкого, и понимала, что мириться им придется в самый праздник, когда до боя курантов останется полчаса. И это примирение будет мучительно унижительной процедурой для нее. «Ничего хорошего не случится. Он постарается наказать меня своей принципиальностью! И испортит все на свете! Не будет уютного сидения у горящего камина, не будет прогулки вдвоем по зимнему лесу, не будет утра Нового года с его белой тишиной, вчерашним вкусным салатом и сухой колбаской. Вернее, все будет, но будет неинтересным и никому не нужным. «Когда люди почти не разговаривают друг с другом, все теряет свой смысл, – подумала Александра Тихоновна. – И вообще, кто позволил ему так со мной обращаться?! Идею несогласие – это одно, а Новый год – это совсем другое! Новый год – это...» Большой ворон с шумом покинул сосновую ветку и перелетел на соседский забор. Своим птичьим профилем он напомнил Александре Тихоновне мужа. «Черт с ним! Не буду я мириться! Не хочу! Что там Лариса говорила? Сочи?!» – Александра Тихоновна решительным шагом направилась в дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.